

В.К. ПИЧУГИНА, А.Ю. МОЖАЙСКИЙ

ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА И ДОМА В «ТРАГЕДИИ ОРЕСТА» ДРАКОНЦИЯ*

«Трагедия Ореста» является одним из сочинений Драконция — поэта второй половины V в., обращавшегося как к языческой, так и христианской тематике. Это сочинение традиционно рассматривается как не слишком талантливый синтез существовавших версий трагедий об Оресте с добавлением стилистических украшений из сочинений Овидия, Лукана, Стация, Ювенала, Вергилия и других авторов. Нами будет обосновано то, что Драконций не только объединяет в одном сочинении разные мифологические сюжеты об Оресте и его взрослении, но и выделяет, сопоставляет, а часто и противопоставляет пространства города и пространства дома, где имеют место ключевые трагические события. Тем самым, он задает особую сетку пространственных координат, которые до сих пор не попали в спектр исследовательского внимания. Главный герой у Драконция возвращается в дом, где произошло убийство его отца Агамемнона. Совершив серию преступлений, Орест, с одной стороны, становится частью трагической линии дома Атрея, а с другой — не вписывается в существующие в городе представления о том, кого можно назвать надежным властью представителем этого дома. Драконций выстраивает сюжетную линию таким образом, что его Орест свободно перемещаются между Микенами, Афинами и Тавридой. Это является не только драматическим приемом, указывающим на его мечущуюся натуру, но и своеобразным ответом, который Драконций дает на вопрос: в чем именно заключается трагедия Ореста?

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18–78–10001–П, <https://rscf.ru/project/18-78-10001/> (июль, 2022).

Ключевые слова: Драконций, Трагедия Ореста, пространство города, пространство дома.

Драконций — поэт второй половины V в. — никогда не ставился (как современниками, там и потомками) в один ряд с такими поэтами как, например, Клавдий Клавдиан¹. Особенности поэзии Драконция, который часто включал в свои сочинения нравоучительные инструкции по чтению, достигают максимума в его знаменитом сочинении «Хвала Господу»: «божественному наказанию всегда предшествуют предупреждения, и те, кто их не понимает, заслуживают наказания»². «Трагедия Ореста» является одним из самых объемных сочинений Драконция, которое было написано в языческом духе и имело иную логику о справедливости того или иного божественного наказания за проступок. Драконций делает главным героем Ореста — персонажа, становлению и развитию которого драматурги проявили повышенное внимание. Основу сочинения Драконция представляет сокращенная версия трилогии Эсхила, куда включены эпизоды из трагедий «Ифигения в Авлиде», «Электра» и «Орест» Еврипида, трагедии «Электра» Софокла, а также сочинений Овидия, Лукана, Стация, Ювенала и Вергилия. В древнегреческих трагедиях нет однозначного ответа на вопрос о том, кто именно воспитал Ореста так, чтобы он отомстил за смерть отца, и в чем именно его трагедия; как нет этого ответа и в трагедии Сенеки «Агамемнон»³.

Рapisарда определяет «Трагедию Ореста» как адаптацию трилогии Эсхила «Орестея» и учения Августина о свободе воли⁴. Такой подход выглядит проблематичным, поскольку некоторое отношение, характерное для христианства (как например, жесткое,

¹ В монографиях последних лет, затрагивающих разные аспекты позднелатинской поэзии, Драконция, в лучшем случае, упоминают вскользь. Одним из основных исключений может служить немецкоязычная работа Росвиты Симонс (Simons 2005), в которой также представлена основная историография о Драконции и его произведениях.

² Arweiler 2007, 153.

³ Частично мы уже касались этого вопроса, см.: Пичугина, Можайский 2019; Пичугина, Можайский 2020.

⁴ Rapisarda 1951; Rapisarda 1958.

критичное отношение к согрешившей женщине или весьма негативное отношение к плотской любви), которое можно видеть в этой трагедии не коррелирует с религиозными произведениями Драконция⁵. В «Трагедии Ореста», вероятно, не стоит искать христианские принципы, но, тем не менее, Драконций в этом сочинении «полемизирует против языческих богов о том, что поклонение им... бессмысленно и бесполезно, поскольку они ведут себя по отношению к людям произвольно и жестоко, в то время как христианский Бог совершает правосудие, если вина видима, согласно принципу наказания за вину»⁶.

«Трагедия Ореста»⁷ одними исследователями рассматривается как не слишком талантливый синтез существовавших версий трагедий об Оресте с добавлением стилистических украшений из сочинений Овидия, Лукана, Стация, Ювенала, Вергилия и других авторов⁸, а другими — как еще один «продукт» своего времени, где поэт-ритор включает в эпос социально-политические комментарии⁹. Так или иначе, нам остается лишь согласиться с тем, что Драконций «все еще ждет своего первого широкомасштабного критического исследования»¹⁰, довольствуясь не слишком большим объемом работ о нем и еще меньшим числом работ о его «Трагедии Ореста»¹¹.

В рамках нашей работы будет обосновано то, что Драконций не только объединяет в одном сочинении разные мифологические сюжеты об Оресте и его близких, но и выделяет, сопоставляет, а часто и противопоставляет пространство города и пространство дома. Драконций ставит целью задать особую сетку простран-

⁵ Simons 2005, 16.

⁶ Simons 2005, 323-324.

⁷ Относительно самого названия этого сочинения ведутся споры. По одной из версий, слово «трагедия» было внесено в название переписчиком, по другой — самим автором, желавшим определить особенности содержания своего сочинения.

⁸ См., напр.: Hunt 2003, 325; Simons 2005, 39, 65; Mantzilas 2018 и др.

⁹ См., напр., диссертацию, где подробно разбираются «Гилас», «Похищение Елены», «Медея» и «Трагедия Ореста» Драконция (Boshoff 2017).

¹⁰ Lapidge 1980, 831.

¹¹ Указания на наиболее крупные работы о «Трагедии Ореста» приведены в следующей статье: Grillone 2000.

ственных координат, начав с того, что главный герой возвращается в дом, где произошло убийство его отца, чтобы перестать быть чужим для близких и родного города. «Трагедия Ореста», таким образом, является героической эпопеей, повествующей о смерти Агамемнона и мести Ореста «в новом, но неизменно классическом стиле», с поправкой на то, что Драконций представляет события «гораздо мрачнее», создавая собственную «трагедию»¹².

Совершив серию преступлений, Орест, с одной стороны, становится частью трагической линии дома Атрея, а с другой — не вписывается в существующие в городе представления о том, кого можно назвать наделенным властью представителем этого дома. Драконций выстраивает сюжетную линию таким образом, что необходимость во многих главных для драматургов-классиков сюжетных поворотах отпадает; сохраняется лишь интерес к взрослению и воспитанию главного героя, который проявляли Эсхил, Софокл, Еврипид и Сенека, также указывая на значимость пространств города и пространств дома. У Драконция Орест свободно перемещается между Микенами, Афинами и Тавридой, что является не только драматическим приемом, указывающим на его мечущуюся натуру, но и своеобразным ответом, который Драконций дает на вопрос: в чем именно заключается трагедия Ореста? В начале трагедии Орест — перемещающийся между городами бездомный герой, а в конце — не просто сын, вернувшийся в отчий дом, а правитель, получивший отцовский трон. Расставив акценты таким образом, Драконций предлагает читателю посмотреть на Ореста как героя, который вынужден быстро взрослеть и выступать наставником самому себе, не полагаясь на поддержку со стороны (хотя другие герои ему в этом не отказывают).

У Драконция действие, как ему и положено, происходит в Микенах, но утверждается, что Микены — «Фивам соседние стены» (*Thebis vicina petuntur moenia*) (*Drac. Orest. 491-492*¹³; пер.

¹² Tizzoni 2012, 39.

¹³ Свободное перемещение мифологических сюжетов между городами — отличительная особенность Драконция. Например, его Агамемнон и Орест легко оказываются в Тавриде, а Электра и Ифигения — в Афинах. Но рекордсменом, безусловно, является Орест, о перемещении которого между городами речь пойдет ниже.

В.Н. Ярхо¹⁴). Фивы прямо или косвенно упоминаются в «Трагедии Ореста» далеко не единожды (подробно об этом мы уже писали¹⁵): например, при указании на фиванский погребальный костер (Drac. Orest. 442-443), при сравнении убийства Орестом Клитенестры с убийством Алкмеоном Эрифилы, жены Амфиарая (Drac. Orest. 692), при указании на трубы, сопровождающие закрытие городских ворот (Drac. Orest. 698-699), при упоминании Тиресия в ходе судебного процесса над Орестом (Drac. Orest. 953). Самым ярким (с драматической точки зрения) является указание на Фивы, помещенное в завершающие строки трагедии: «Вот и в Микенах позорит тройная трагедия славу греков» (esse Mucenaea triplex iam scaena profanat / Graiugenum famara) (Drac. Orest. 972-973). Здесь, как мы предполагаем, Микены названы вторыми Фивами — городом, где ранее произошла своя «тройная трагедия». Таким образом, мы видим, что Фивы, по Драконцию, являются зеркалом Микен, и Драконций сверяется с отраженными в нем событиями и нравственными ориентирами.

Указание на Фивы как «соседние стены» Микен является метафорой, указывающей на близость этих городов по духу. Для Драконция, которого можно назвать поэтом, которого интересовали «великие города, раздавленные колесом судьбы»¹⁶, Фивы и Микены были городами, где реализуются похожие цепочки трагических событий. Упоминание Фив при описании Микен нужно автору, чтобы обозначить драматическую коннотацию¹⁷: города страдают, если их правители заняты переделом власти и / или своими деяниями приводят царский дом к угрозе разрушения. С точки зрения Драконция, город может надеяться лишь на Ореста, хотя его, как и Этеокла или Полиника, можно назвать не слишком удачным «воспитательным проектом»¹⁸ царского дома.

В логике древнегреческих драматургов (которой придерживается и Сенека), на момент начала троянского похода Орест был

¹⁴ Здесь и далее, если не указано иного, будет использован перевод В.Н. Ярхо (Эмилий Блоссий Драконций 2001).

¹⁵ См.: Пичугина, Можайский 2020.

¹⁶ Edwards 2004, 152.

¹⁷ О возможной политической коннотации соседства стен см.: Никольский 2019.

¹⁸ Пичугина, Ветошкина 2019.

малолетним ребенком, а на момент его окончания — когда произошло убийство Агамемнона — находился в Фокиде на воспитании у Строфия, царя Крисы. Драконций не упускает ни одного этапа из трагического взросления Ореста, но у него Строфий не является воспитателем Ореста. Возвращающийся на родину в Микены («Фивам соседние стены») и желающий отомстить за смерть отца Орест уже совершеннолетний юноша. У Драконция Орест являлся героем, над которым постоянно «нависает ожидание мести» и который должен взрослеть ради наказания виновных в смерти Агамемнона¹⁹. Однако, это герой, который совершает серию преступлений во многом потому, что он вырослел в окружении слишком большого количества воспитателей. Драконций делает главным героем своего сочинения мечущуюся натуру — Ореста, убегающего от других и самого себя то в разные города, то в разные моральные состояния.

В начале эпоса Драконций указывает на то, что Орест пронес через годы воспоминание об отчем доме и тех ужасах, которые в нем творились из-за Клитемнестры: «Буду Ореста я петь, кто помнил в беспамятстве мать, кто в благочестье бесчестен, кто беспорочно порочен...» (Drac. Orest. 7-8). После этой сложной характеристики Ореста Драконций раскрывает, что Электра обманом удалила брата из родного дома, чтобы сохранить ему жизнь. Орест хочет вернуться домой, потому что «скорбь опалает его, гонит стыд, гнев вздымает» (Drac. Orest. 17); Драконций говорит о том, что читателю нужно будет разобраться в мотивах Ореста: «...ярость святая ли меч вручает, преступная ль святость?» (Drac. Orest. 19). После этого Драконций вспоминает об Агамемноне, который вернулся в этот же дом в статусе победителя, но попал в смертельную ловушку, устроенную Клитемнестрой и Эгисфом. Описывая возвращение Агамемнона, Драконций добавляет новые подробности: якобы, царь отправляет все сокровища Трои в Микены, а сам отправляется исполнить обет Диане и случайно встречает Ифигению. Далее судьба троянского сокровища у Драконция оказывается связанной не с Эгисфом и Клитемнестрой, а с Орестом и Электрой. Когда сестра вывозит брата в Афины, чтобы он вырослел вместе с сыном Строфия Пиладом, она оставляет в залог

¹⁹ De Paoli 2014, 388.

привезенные Агамемноном сокровища (Drac. Orest. 284-304). Драконций указывает только на то, что Орест и Пилад вместе учились мудрости и ораторскому искусству, то есть всему тому, что было ценно для «высшего образования» римской Империи. Как мы понимаем, недостатка в средствах у юношей не было, а значит, они получили хорошее образование, позволяющее Оресту притязать на отцовский трон. Драконций подчеркивает, что у Эгисфа такого права нет не столько из-за преступного прошлого, сколько из-за отсутствия образования, и характеризует его так: «Но любовник ее, не способный вожжи от царства держать, неумелый и грубый невежда, чванясь, себя лишь считал богом-гением дома» (*sed vilis adulter nescius atque rudis regnorum frena tenere ipse sibi genium fastu facit*) (Drac. Orest. 413-415). Эта пародия на не по праву сидящего на троне Эгисфа позволяет Драконцию оправдать предстоящие преступления Ореста в режиме «свой — чужой». «Свой» Орест, вернувшись в отчий дом, может делать практически все, а «чужой» для этого дома Эгисф такого права лишен, поскольку Микены почти восемь лет страдали из-за того, что ими правил «пастух бездарный» (*iners pastor*) (Drac. Orest. 453).

Таким образом, первое путешествие между городами Орест осуществляет не налегке, а с целым состоянием. Драконций констатирует, что «есть у преступников срок, покуда Орест подрастает» (Drac. Orest. 147), и определяет моральное состояние взрослеющего мстителя как одно безумие, сменяемое другим безумием²⁰. Далее Драконций ставит следующий вопрос: «Муза, скажи мне, молю, почему же мачеха-матерь розыском пренебрегла детей, которых могла бы смерти предать, как отца?» (Drac. Orest. 350-352). Ответ оказывается связан с воспитателем Ореста Дорилаем, который защищал юношу молитвенными словами и многочисленными делами. Когда Клитемнестра и Эгисф предпринимают попытку найти Ореста и Электру с сокровищами Трои, именно Дорилай приносит им ложное известие о буре, в которой якобы погибли дети Агамемнона (Drac. Orest. 350-381). Свои мотивы Дорилай объясняет просто: он хочет защитить Микены, потому что ужасы,

²⁰ «...vae miserum furor alter habet: purgandus Orestes» («горе несчастному, безумье другое имеет: да будет очищен Орест», пер. А.Ю. Можайского и В.К. Пичугиной).

которые творятся в этом городе, таковы, что «считать надо Троию счастливой» (Drac. Orest. 378). Сравнение Микен и Трои (как и сравнение Микен с Фивами) указывает на то, что для Драконция мир внутри царского дома является обязательным, но не достаточным условием счастливой жизни города. Драконция можно назвать поэтом, которого интересовали «великие города, раздавленные колесом судьбы»²¹.

Сигналом к отправлению Ореста и Пилада в Микены стало ночное явление им призрака Агамемнона. Описывая это явление, Драконций снова не упускает возможности неоднократно указать на достаточный уровень образования Ореста и его усердие в учении: «...ибо Орест возмужавший там находился с Пиладом и мирному сну предавались, дом наполняя дыханьем своим равномерным; в палестре играм они отдавались с любовью и оба устали» (Drac. Orest. 516-519). Помимо инновационности²², этот сюжет снова имеет педагогическую составляющую: Агамемнон обращается к сыну и его другу со словами о том, как им «знающим столько наук и владеющим храбро оружием» (Drac. Orest. 529) не стыдно от того, что Микенами правит пастух. Примечательно, что Агамемнон наставляет обоих молодых людей, призывая к мщению не только сына, но и человека, который не имеет перед ним никаких моральных обязательств. Вероятно для усиления аргументации, Агамемнон несколько прибавляет Оресту и Пиладу возраста²³, чтобы первый активнее действовал «охваченный пламенем мести» (Drac. Orest. 541), а второй во всем ему помогал. Когда Орест начинает сомневаться в необходимости убить Клитемнестру, Пилад берет на себя роль наставника и многозначительно заявляет: «Иль та тень, что явилась ночью в Афинах к тебе, не сыщет по праву рожденья новые сотни дорог?» (Drac. Orest. 591-593). Здесь используется странный аргумент о том, что, в случае отказа Ореста, на роль правителя Микен найдется кто-то другой, столь же благородный по рождению и полученному образованию. Очевидно, что этим «другим» мог быть только сам Пилад. Несмотря на то,

²¹ De Paoli 2014, 152.

²² Призрак Агамемнона не вмешивался в дела смертных ни в одной из существующих версий об Оресте.

²³ На этот момент указывает В.Н. Ярхо в комментарии к переводу.

что Драконций не указывает на родственные связи между Орестом и сыном Строфия Пиладом, он постоянно ставит равенство между юношами по целому ряду критериев: возрасту, статусу и образованию. Указание на то, что Агамемнон одновременно является во сне Оресту и Пиладу, является еще одним тому подтверждением.

Орест и Пилад тайными тропами приходят из Афин в Микены, встречая на пути Дорилая. Последний своими речами еще больше укрепляет Ореста в необходимости реализовать план мести. Город узнает в Оресте черты Агамемнона и радуется его возвращению, несмотря на то, что руки будущего царя оказываются в крови. Убив Эгисфа, а затем Клитемнестру, Орест вдруг вспоминает, что у него есть еще одно «дело», и направляется освобождать Гермину. Остается загадкой, зачем Драконций добавляет в повествование вторую мифологическую линию — конфликт Ореста и Пирра из-за Гермियोны (Drac. Orest. 803-819) — и ломает привычную логику: суд Ареопага, в версии Драконция, рассматривает Ореста как убийцу не Клитемнестры, а Пирра — преступления, которое не имеет никакого отношения к мести за Агамемнона. Совершив серию преступлений, Орест у Драконция снова покидает Микены и оказывается в Афинах (попутно посетив Ифигению в Тавриде). У Драконция судебное дело против Ореста инициируют не сограждане, а Молосс — сын Пирра. Сохраняя преемственность традиции, Ореста у Драконция, все же, сводит с ума призрак матери (Drac. Orest. 820-861). Пилад же вынужден взять на себя роль воспитателя Ореста, отправив его в изгнание в Тавриду (Drac. Orest. 862-866) — еще одну точку в созданной Драконцием сетке пространственных координат.

Вероятно, Драконций хочет показать главного героя не столько как мечущуюся между людьми и городами натуру, сколько как человека, пораженного особым типом моральной болезни, которой в разной форме страдают все дети Агамемнона. Электра некогда отвезла маленького Ореста в Афины, а теперь вместе с Ифигенией в нарушение установленного порядка присутствует на суде над Орестом в Афинах. Свободно пропадающие и появляющиеся в новом городе дети Агамемнона — тема, которая необходима Драконцию, чтобы выделить среди них Ореста и подчеркнуть, что он в большей степени склонен убегать от других и самого себя.

С юных лет не бедный (а значит, возможно, избалованный) и

хорошо образованный юноша с неустойчивой психикой упорно называется фигурой, оптимальной на роль следующего царя Микен. У Драконция безумие Ореста — это вполне реальное заболевание, имеющее все признаки психического расстройства и целый ряд причин, описывая которые сам автор путается и не может точно сказать, когда это заболевание возникло: до преступлений или после²⁴. Для его Ореста обычны переходы от состояния взрослого (отвечающего за свои поступки и умеющего самостоятельно себя наставить) к состоянию ребенка (предпочитающего видеть себя марионеткой в руках богов или людей, взявшихся его наставлять).

Кажется, что для Драконция главным является наличие хорошего образования, которое, вероятно, рассматривается им как оградительный щит от преступлений, к которым Ореста могло бы подтолкнуть безумие. У Драконция исцеление Ореста от морального недуга благодаря Ифигении и его судебное преследование выглядят искусственными темами, которые необходимы только для того, чтобы Орест вернулся на родину в качестве полноправного правителя. Трагедия Драконция, таким образом, является, с одной стороны, трагедией Ореста, которому предстоит всю жизнь справляться с новыми обострениями безумного состояния, а с другой, — трагедией Микен, которые будут вынуждены наблюдать за этим и оправдывать своего не совсем здорового, но хорошо образованного (=мудрого?) царя.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники и их переводы / Istochniki i ih perevody

Dracontii Orestis tragoedia // Poetae Latini minores post Aemilium Bachrens iterum recensuit Fridericus Vollmer. Vol. V: Dracontii de Laudibus Dei, Satisfactio, Romulea, Orestis tragoedia, Fragmenta, Incerti Aegritudo Perdicae. Lipsiae; In aed. B.G. Teubneri, 1914. P. 193-234. — 284 p.

Эмилий Блоссий Драконций. Мифологические поэмы / Пер. В.Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 2001. — 224 с. [Emilii Blossii Drakontsii. Mifologicheskie poemu / Per. V.N. Yarkho. M.: Labirint, 2001. — 224 s.].

²⁴ Об этом см.: Пичугина, Можайский 2020.

Исследования / Issledovaniya

- Arweiler, A. Interpreting cultural change: semiotics and exegesis in Dracontius' 'De Laudibus Dei' // Poetry and Exegesis in Premodern Latin Christianity. Supplements to Vigiliae Christianae, Formerly Philosophia Patrum. Texts and Studies of Early Christian Life and Language. Vol. 87 / Ed. D. Boeft, J. Vanoot, W.L. Petersen, D.T. Runia, C. Scholten and J.C.M. Van Winden. Leiden and Boston: Brill, 2007. P. 147-172.
- Boshoff, L.A. The mythological epics of Dracontius in their socio-political context. Diss., University of Oxford, 2017. — 259 p.
- De Paoli, B. Orestes as the avenging child in Greek tragedy // La presenza dei bambini nelle religioni del Mediterraneo antico / Ed. C. Terranova. Rome: Aracne, 2014. P. 387-402.
- Edwards, M.J. Dracontius the African and the Fate of Rome // Latomus 63 / 1 (2004). P. 151-160.
- Grillone, A. Note critiche all' 'Orestis Tragoedia' di Draconzio // L'Antiquité Classique 69 (2000). P. 221-236.
- Hunt, J. Three Problems in Late Latin Texts // The Classical Quarterly 53 / 1 (2003). P. 323-326.
- Lapidge, M. A Stoic Metaphor in Late Latin Poetry: the Binding of the Cosmos // Latomus 39 / 4 (1980). P. 817-837.
- Looney, J. Evolution of education in Oresteia. — [https://www.academia.edu/228956/Evolution of Education in Oresteia](https://www.academia.edu/228956/Evolution_of_Education_in_Oresteia) (июль / July, 2022).
- Mantzilas, D. Mythological sacrificial deaths in two latin epyllia (Alcestis Barcinonensis & Orestes Tragoedia) // Myrema (Mythology-Religion-Magic). Ioannina, 2018. P. 371-386.
- Rapisarda, E. Draconzio: La tragedia di Oreste. Introduzione, Testo e Commento. Catania: Università di Catania – Centro di studi di letteratura cristiana antica, 1951. — 259 p.
- Rapisarda, E. Fato, divinità e libero arbitrio nella Tragedia di Oreste di Draconzio // Historisches Jahrbuch 77 (1958). S. 444-450.
- Simons, R. Dracontius und der Mythos. Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike (Beiträge zur Altertumskunde 186). München – Leipzig, 2005. — 442 S.
- Tizzoni, M.L. The Poems of Dracontius in their Vandalic and Visigothic Contexts: Diss., The University of Leeds, 2012. — 325 p.
- Никольский И.М. Микены — «Фивам соседние стены»: страдал ли Драконций топографическим кретинизмом? (в продолжение дискуссии)

- // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Ранние этапы урбанизации: материалы конф. XXXI Чтения памяти В.Т. Пашуто, Москва, 17-19 апреля 2019 г., М.: ИВИ РАН, 2019. С. 198-200. [Nikol'skij I.M. Mikeny — «Fivam soseidnie steny»: stradal li Drakoncij topograficheskim kretinizmom? (v prodolzhenie diskussii) // Vostochnaya Evropa v Drevnosti i Srednevekov'e. Rannie etapy urbanizacii: materialy konf. XXXI CHteniya pamyati V.T. Pashuto, Moskva, 17-19 aprelya 2019, M.: IVI RAN, 2019. S. 198-200].
- Пичугина В.К., Ветошкина М.К. Город обреченных воспитательных проектов: историко-педагогический комментарий к трагедии Эсхила «Семеро против Фив» // Психолого-педагогический поиск. № 3 / 51 (2019). С. 119-127 [Pichugina V.K., Vetoshkina M.K.. Gorod obrechennyh vospitatel'nyh proektov: istoriko-pedagogicheskij kommentarij k tragedii Eshhila «Semero protiv Fiv». Psihologo-pedagogicheskij поиск. № 3 / 51 (2019). S. 119-127].
- Пичугина В.К., Можайский А.Ю. Визуальные наставления в древнегреческих трагедиях об Оресте и Электре: дискурс слова и дискурс образа // Praxema 3 (2019). С. 113-134 [Pichugina V.K., Mozhajskij A.Yu. Vizual'nye nastavleniya v drevnegrecheskih tragediyah ob Oreste i Elektre: diskurs slova i diskurs obraza // Praxema 3 (2019). S. 113-134].
- Пичугина В.К., Можайский А.Ю. Трагедия (не)знания Ореста у Драконция: между Микенами и Фивами // Эпохи XXVIII (2) (2020). С. 270-284 [Pichugina V.K., Mozhajskij A. Ju. Tragedija (ne)znaniya Oresta u Drakoncija: mezhdru Mikenami i Fivami // Epohi XXVIII (2) (2020). S. 270-284].

Пичугина Виктория Константиновна, доктор педагогических наук, профессор РАО, ведущий научный сотрудник, Институт стратегии развития образования РАО; профессор, Институт образования НИУ «Высшая школа экономики» (Москва), Pichugina_V@mail.ru

Можайский Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Москва), a.mozhajsky@mail.ru

Victoria K. PICHUGINA, Andrej Yu. MOZHAJSKY

CITY SPACES AND HOUSE SPACES IN DRACONTIUS' "ORESTIS TRAGOEDIA"

“Orestis Tragoedia” is one of the works of Dracontius, a poet of the second half of the 5th century, who addressed both pagan and

Christian themes. This work is traditionally regarded as a not too talented synthesis of the existing versions of the tragedies about Orestes with the addition of stylistic embellishments from the works of Ovid, Lucan, Statius, Juvenal, Virgil and other authors. In this work, Dracontius not only combines different mythological stories about Orestes and his growing up, but also highlights, compares, and often contrasts the city spaces and the house spaces, where the key events of the tragedy take place. Thus, it sets a special grid of spatial coordinates, which have not yet attracted the attention of researchers. Dracontius' protagonist returns to the house where his father Agamemnon was murdered. Having committed a series of crimes, on the one hand, Orestes becomes part of the tragic line of the house of Atreus, and on the other hand, he does not fit into the existing ideas in the city about who can be called an empowered representative of this house. Dracontius builds the storyline in such a way that his Orestes move freely between Mycenae, Athens and Tauris. This is not only a dramatic device that indicates his rushing nature, but also a kind of answer that Dracontius gives to the question: what exactly is the tragedy of Orestes?

Key words: Dracontius, Orestis Tragoedia, city spaces, house spaces. Candidate of Sciences

PICHUGINA, Viktoria Konstantinovna, Dr Sc (in Pedagogical Sciences), Professor of the Russian Academy of Education, Leading Researcher of the Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education; professor of the Institute of Education, HSE University (Russian Federation, Moscow), Pichugina_V@mail.ru.

MOZHAJSKY, Andrej Yurievich, Candidate of Sciences (in History), Associate Professor of the Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University (Russian Federation, Moscow), a.mozhajsky@mail.ru